
ALEKSANDR DEMIDOV
ВОДА И ПЕПЕЛ
Книга 2
ПОКА ГОРИТ
ОГОНЬ

Aleksandr Demidov

Пока горит огонь

https://litres.ru/74937917
SelfPub; 2026

Аннотация

Что страшнее — потерять свою веру или во имя собственной веры уничтожить чужую?

1413 год. Жемайтия — один из последних оплотов язычества в Европе. Великий князь Витовт и король Ягайло начинают христианизацию этих земель.

Молодой татарский воин Бури оказывается среди людей, которым предстоит расстаться с верой предков. Ещё недавно его собственный дед пытался сохранить древние обычаи степи. Теперь Бури становится свидетелем того, как рушится чужой мир.

Христианский монах искренне желает спасти человеческие души. Хранитель священного огня до последнего остаётся верен своим богам. Каждый убеждён в своей правоте. Но какую цену за эту правоту заплатят другие?

Исторический роман о столкновении верований, цене благих намерений и праве человека оставаться собой.

Вторая книга трилогии «Вода и пепел».

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Уход	6
Глава вторая. Вода	9
Глава третья. Свои	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Aleksandr Demidov
Пока горит огонь

Aleksandr Demidov
Вода и пепел · Книга 2
Пока горит огонь
Роман
© Aleksandr Demidov, 2026
Жемайтия, осень 1413 года

Пролог

Весна возвращалась в эту землю.

Дождь шёл третий день, мелкий, без силы, оседая на всём холодной моросью. Безымянная речка несла прошлогодний лист и не спешила.

На поляне у речки была плешь — круг выжженной земли, обложенный закопчёнными камнями. Давно ли здесь жгли, по дождю было не понять: он смыл запах, размочил золу.

Вода сверху шла и шла — не та вода, что бьёт из-под земли снизу и помнит, а та, что падает с неба и не помнит ничего. Она мочила золу, и зола не отвечала. Огня здесь больше не было. Был круг, где он был.

И у самого края круга, там, где обугленный камень уходил в мокрую землю, из золы поднимался росток.

Тонкий, в две ладони, с двумя резными листьями. Дубовый. Он тянулся к серому свету из мокрой золы.

Дождь шёл на него тоже. Росток стоял под дождём, маленький, и держался.

По закопчённым камням было видно: огонь здесь горел давно. Его кормили.

Глава первая. Уход

Хоругвь выходила из Тракая на исходе октября, и Бури был весел.

От утреннего холода, что бодрит, а не студит. От коня, застоявшегося за лето и просящего дороги. Оттого, что рядом ехали свои — степная кость в чужой земле, — хоругвью, в княжьем порядке, под своим значком. Куда поход — Бури знал в общих чертах. В жемайтскую сторону, с князем. Там предстояло докончить то, чего не докончили под Грюнвальдом. Крестить кого-то, замирить кого-то — княжье дело; его, Бури, дело — конь, сабля, строй.

Ему было двадцать пять, он был широк в плече и лёгок в седле, и служба лежала на нём, как хорошо разношенный сапог, — не жала, не думалась, была своя.

Перед выходом татары молились. Мулла — старый, общинный, из тех, что перевезли веру с собой из степи и держали её здесь тесно, домом к дому, — вышел к всадникам и повёл молитву за уходящих, чтобы вернулись, чтобы легла им дорога, чтобы небо было милостиво. Бури склонился со всеми, повернувшись, куда все, и слова шли через него привычно, тепло, не задевая дна, — как всё, что делаешь с малолетства и не спрашиваешь зачем. Он верил, если спросить — сказал бы, что верит. Просто вера была одной из тех рубах, что на нём были, и он надевал её, не глядя, какую надел.

Мулла благословил. Всадники выпрямились. Кони переступили.

К деду он завернул перед самым выходом, потому что дом был по дороге к воротам, а не потому, что собирался.

Тайган сидел, как сидел всегда в последние годы, — у малого огня, старый, ушедший в себя, с тем неподвижным покоем, что лёг на него, когда он перестал ждать. Он поднял глаза на внука, вошедшего в полном снаряжении, при сабле, пахнущего конём и дорогой, — и в глазах его Бури, если бы вгляделся, прочёл бы многое. Но Бури не вглядывался. Он спешил.

— Ухожу, деда, — сказал он. — С хоругвью. За Неман.

Старик кивнул. Он не спросил куда, не спросил надолго ли. Он смотрел на внука и молчал, а потом, как делал всегда, когда внук заглядывал на минуту, начал негромко вести — не наставление, не прощание, а имена. Отца. Отца отца. Назад, по одному, бережно.

— Деда, — сказал Бури мягко, уже поворачиваясь к двери, уже слыша, как во дворе бьёт копытом его конь. — Потом. Вернусь — расскажешь. Никуда они не денутся, имена.

Тайган остановился. Посмотрел на него — долго, на один удар сердца дольше, чем смотрят, провожая на обычное дело, — и не стал договаривать. Кивнул опять.

— Ступай, — сказал он. — Легко тебе.

Бури вышел, вскочил в седло. Он не оглянулся на дом. Незачем было оглядываться: дом стоял, где стоял, и дед в

нём, у огня. Вернётся — дослушает.

Позади оставался Тракай — камень, вода, крест над замком. Впереди была земля, где ещё горели огни, которых он не видел.

Дорога легла ему, как пожелал старик. Легко.

Глава вторая. Вода

К Дубисе войско вышло через несколько дней и встало, и потянулось ожидание, которое воин знает лучше, чем битву.

Битва коротка. Ожидание длинно. Бури стоял в оцеплении на низком берегу, где река делала излучину и вода шла тёмная, медленная, с салом первого льда по закраинам, и держал коня, и мёрз, и ждал, как ждали все, — не понимая толком чего. Княжье дело делалось не здесь, где стояли всадники, а там, ниже, на утоптанном пятачке у самой воды, куда простых не пускали. Туда с утра свозили жемайтов.

Их привозили по нескольку, верхом или на подводах, в добром платье. Старшины, родовитые, те, за кем стояли земли и люди. Бури усмехнулся про себя: он думал, идёт спасение душ, о котором толкуют ксёндзы, а здесь ещё и замиряли землю. Новая вера могла скрепить союз с князем, как печать скрепляет грамоту. Умно. По-княжьи.

Ксёндзы стояли у воды в серых своих хламидах, несколько, и один голос вёл над рекой латынь — ровно, привычно, чужеземно. Бури не разбирал слов и не старался. Он смотрел, как жемайта подводят к воде, как ксёндз кладёт руку, как льют, как человек выпрямляется уже другим — не в душе, в душе кто ж разглядит, — а на бумаге другим, с новым именем, которое тут же заносит писарь, сидящий поодаль под навесом, макая перо в рожок, дыша на пальцы.

Новое имя. Вот что зацепило Бури, стоящего в оцеплении, — не вода, не латынь, а то, как человеку у воды давали новое имя и записывали его на лист.

Его самого когда-то записали в княжью грамоту чужим, третьим именем, на здешний лад. Он тогда откликнулся и не заметил потери. Три имени были ему как три рубахи: надел любую, тело одно. Теперь он смотрел, как писарь выводит новые имена жемайтов, и впервые подумал о тех, прежних, которых на листе не будет.

Он отвёл глаза от воды и оттого заметил князя.

Витовт стоял выше по берегу, в стороне, при малой свите. Плотный, немолодой уже, в простом дорожном платье. По лицу его Бури ничего не мог прочесть. Князь следил за крещением с деловым вниманием хозяина, обходящего работу. Рядом с ним остановился король Ягайло. Бури подумал, что князь, должно быть, считает земли за каждым из этих людей.

Он вернул глаза к воде, и там как раз подвели молодого.

Молодой шёл к реке сам. Бури отметил его беглым, цепким взглядом воина: годами, верно, как он сам, широк в кости, с прямой спиной. Он не упирался и не спешил. Только перед самой водой оглянулся на берег.

Ксёндз положил руку. Молодой наклонил голову — не смиренно, а как наклоняют голову под низкую притолоку, входя в чужой дом. Полили. Он выпрямился. Писарь под навесом обмакнул перо.

Бури запомнил лицо, как воин запоминает лицо, — впрок,

не зная зачем.

Он мёрз, держал коня и ждал, когда можно будет к огню, к своим.

Глава третья. Свои

В лесу Бури был хорош.

Не так, как в оцеплении, где воин мёрзнет и ждёт, обращённый в столб при коне, — а так, как задумано: жив, лёгок, весь на слухе. Отряд шёл дозором впереди войска, десятка полтора, разведать дорогу, по которой назавтра двинутся замирять дальние дворы, и Бури шёл в этом дозоре с той тихой радостью тела, которой не стыдятся воины: он делал то, что умел, и делал хорошо. Лес был чужой, глухой, в буром палом листе, и пахло мокрой корой и грибной прелью, и конь ступал мягко, и всё в Бури было раскрыто навстречу лесу, ловя.

Он поймал — и не успел.

Засаду ставили те, кто знал этот лес, как Бури знал степь. Ударили с боков, из ольшаника, коротко и без крика, — а крик пошёл потом, когда уже секлись. Бури увидел вспышку движения слева, рванул повод, и конь под ним споткнулся, оседая, — подрезали ноги, снизу, из папоротника, — и мир качнулся, и Бури вылетел из седла в мокрый лист, потеряв на лету саблю, и она канула куда-то в бурую жижу, и рука схватила пустоту.

Он перекатился — выучка спасла, не разум, — и встал на колено, безоружный, оглушённый, и над ним уже был человек.

Жемайт. Немолодой, косматый, в звериной какой-то

одежде, с глазами, в которых не было ни ярости, ни страха — было решённое. Он занёс топор, короткий, широкий, каким валят и человека, и дерево, и Бури, стоя на колене в грязи с пустой рукой, увидел этот топор снизу и не успевал ничего — ни встать, ни уйти, ни закрыться. Он только увидел, ясно и медленно, как видят в такой миг: мокрое лезвие, руку на топорище, серое небо за косматой головой. И подумал не имя Бога — ни одного из трёх, — а не подумал вовсе. Пусто было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.